

Императрица У погладила руку императора, повернулась к залу и холодно произнесла:

— Дань Чао.

— Ваш слуга здесь.

— Даже если ты был вынужден действовать, чтобы спасти командующего Се, твоей первоочередной задачей должно было быть прекращение схватки, а не нанесение такой смертельной атаки генералу Юйвэню. Почему, когда я прибыла, ты уже прижал генерала Юйвэня к крыше и даже обезоружил его?

Не только Юйвэнь Ху, но и у остальных присутствующих на лицах промелькнуло легкое волнение — император изначально знал лишь, что этот гвардеец победил великого генерала Сяоци, но не ожидал, что победа будет столь полной и впечатляющей, и тут же невольно взглянул на него с новым уважением.

Дань Чао ответил:

— Ваш слуга признает вину, не следовало наносить тяжелый удар.

Тон императрицы У стал чрезвычайно суровым:

— Тогда почему же ты сознательно нарушил запрет?!

Дань Чао ответил:

— Потому что у вашего слуги есть способность его нарушить.

Если предыдущая фраза Се Юня «Ваш слуга только что вышел после омовения» лишь заставила округу содрогнуться, то нынешние слова Дань Чао «у вашего слуги есть способность его нарушить» буквально заморозили воздух.

В этот момент мысли всех присутствующих совпали, в умах каждого одновременно всплыли два слова — наглость!

Уголок рта императрицы У дрогнул, казалось, промелькнула тень улыбки, но в следующее мгновение ее лицо вновь стало строгим, и она с грохотом ударила по столу:

— Дерзкий гвардеец! Как ты смеешь так говорить?!

Император поспешно сказал:

— Он молод и пылок, ненадлежащие слова неизбежны, императрица, не стоит придираться...

— Молодость и пылкость разве могут быть оправданием при докладе перед императором?

Императрица У, не задумываясь, парировала императору, затем несколько раз глубоко вздохнула, едва стабилизировав эмоции, и холодно повернулась к Дань Чао:

— Ладно, раз Священный повелитель просит за тебя, мне не подобает наказывать тебя за ненадлежащие слова. Но раз ты столь нагл и самоуверен, я хочу испытать твои истинные способности, посмотреть, есть ли у тебя то, что оправдывает такую наглость.

Се Юнь, подперев щеку, наблюдал за происходящим в зале, как вдруг заметил, как взгляд Дань

Чао скользнул в его сторону, глубоко на него посмотрев.

— Молодой мужчина с чрезвычайно мощным духом, его взгляд был просто ослепительно ярким, излучающим подавляющую удаль и уверенность.

Се Юнь слегка опешил, его не успевший сообразить мозг в мгновение ока вспомнил однажды виденного в императорском саду павлина, распускающего хвост, но он сам не понимал, откуда возникла такая абсурдная ассоциация, как вдруг услышал слова Дань Чао:

— Прошу императрицу испытать.

— Твоя победа над великим генералом Юйвэнем прошлой ночью была достигнута благодаря преимуществу в оружии и не может считаться полноценной. — Императрица У подняла величественное и прекрасное лицо и медленно произнесла:

— Сегодня перед лицом Священного повелителя я приказываю вам двоим снова устроить поединок. Если ты победишь, прошлогодние проступки будут преданы забвению, и мы не будем преследовать ответственность вашего командующего Се за то, что он первым начал действовать. Но если ты проиграешь, ты должен будешь извиниться перед великим генералом Юйвэнем, и с этого момента императорская гвардия не должна более провоцировать Лагерь Сяоци. Как тебе это?

Уголок рта Дань Чао изогнулся, и он громко сказал:

— Этот метод весьма хорош, ваш слуга готов принять указ.

Юйвэнь Ху, конечно, также не пожелал уступить:

— Ваш слуга также готов принять бой!

Императрица У и император обменялись взглядами, кивнули и уже собирались огласить указ, как вдруг снаружи Зала Пэнлай донеслись шаги.

Затем раздался очень приятный, но слегка легкомысленный мужской голос:

— Ваше величество, погодите, этот метод слегка неуместен, у вашего слуга есть лучшее предложение!

Все подняли взгляды. Се Юнь закрыл глаза и подпер лоб.

Дань Чао с подозрением нахмурил брови и увидел, как через порог зала переступил элегантный господин в светло-пурпурных роскошных одеждах с прекрасным нефритом на поясе.

Если бы составить рейтинг внешности мужчин, которых Дань Чао видел в столице, командующий Се, без сомнения, занял бы первое место, а тот, кто вошел сейчас, вероятно, был бы вторым.

Его лицо было будто припудрено, губы будто накрашены кармином, даже когда он не улыбался, его поистине можно было назвать цветущим персиком. Однако Дань Чао присмотрелся еще раз и почувствовал, что этот человек сильно отличается от командующего Се.

Даже переодевшись в женское платье, даже в великолепном свадебном наряде с фениксом,

весь Се Юнь казался холодным, его красивая внешность была лишь роскошной оберткой, скрывающей лезвие меча. Этот же человек перед ним имел неуверенную походку, его внешний лоск был лишь поверхностным, короче говоря, он выглядел слегка легкомысленным повесой.

Императрица У, перебитая, не разгневалась, лишь произнесла «О?» и спросила:

— Миньчжи прибыл, говори, какое у тебя лучшее предложение?

Дань Чао наконец вспомнил, кто это — Хэлань Миньчжи!

Родной брат той безмозглой госпожи удела Вэй Хэлань!

Вообще-то, сейчас этот человек должен носить фамилию У. Императрица, затаившая злобу на двух сводных братьев, которые в прошлом не почтили ее мать-вдову, сослала их из столицы, а затем приказала Хэлань Миньчжи сменить фамилию на У, пожаловав ему титулы левого сановника-советника и академия Хунвэньгуань при Департаменте Мэнься, намереваясь, чтобы он в будущем унаследовал семью У.

Однако Хэлань Миньчжи, имевший тетю-императрицу, сестру-фаворитку и благодаря этому пользовавшийся благосклонностью императора, проявил себя при дворе довольно посредственно, не столь ярко, как его другая известность — слава волокиты.

Он не только любил срывать цветы, но и делал это не взаимно согласованным образом.

Ходили слухи, что как-то раз Се Юнь отправился на аудиенцию к императрице и по дороге случайно встретил Хэлань Миньчжи, и они вместе вошли во дворец Циннин. Оказалось, императрицы не было, и когда сумерки сгущались, красивая служанка подошла подать им чай. Увидев ее соблазнительную и пышную внешность, Миньчжи под предлогом удобства выскользнул наружу, намереваясь, пока никто не видит, оглушить ее и совершить неподобающее.

Однако план не удался, при оглушении служанки кто-то поднял тревогу, и Миньчжи в спешке скрылся до прибытия людей. Когда служанка пришла в себя, дело, естественно, дошло до императрицы У, и та вызвала двух подозреваемых — командующего Се и сановника Хэланя — для допроса. В итоге Хэлань Миньчжи упрямо утверждал, что это сделал Се Юнь.

Императрица У, естественно, не поверила — если бы Се Юнь решил оглушить служанку, вряд ли бы потревожили даже комара. Но столь ясное и очевидное дело не устояло перед плачем и оправданиями госпожи удела Вэй Хэлань перед императором. После нескольких дней застоя дело в итоге закончилось тем, что обоим всыпали по пятьдесят ударов, обоих оштрафовали на три месяца жалованья.

Командующий Се родился, чтобы заставлять других страдать, но на этот раз он сам реально пострадал от такого негодяя, как волокита, и, конечно, не мог с этим смириться.

И вот, в одну темную ветреную ночь он в одиночку проник в усадьбу Хэланей, оглушил, похитил Хэлань Миньчжи, жестоко избил, затем раздел догола и выбросил у входа в увеселительный квартал!

Это было крайне подло. Если бы Хэлань Миньчжи не был завсегдаем этого квартала, и вышедшие ночью прогуляться проститутки не опознали бы его и быстро не увели внутрь, чтобы спрятать на ночь, то эта история о ночной пробежке голышом разнеслась бы по всей столице.

Конец злу не виден, и, конечно, господин Хэлань не желал мириться. Однако у этого дела действительно не было доказательств — в ночь происшествия не только никто не видел тени Се Юня, но даже мухи и мыши в усадьбе Хэланей не были потревожены, это было словно появление призрака, ветер прошел без следа.

Се Юнь наконец действиями доказал свои способности, но с тех пор вражда с Хэлань Миньчжи прочно укоренилась. Плюс тот героический прыжок командующего Се у Пруда Тайе — старая вражда не утихла, а добавилась новая ненависть, и описание их встречи как «враги встречаются — глаза сверкают» было совершенно уместно.

К счастью, ни Хэлань Миньчжи, ни Се Юнь не показали и тени старой вражды перед всеми.

Хэлань Миньчжи даже был весьма галантен, почтительно поклонился императору и императрице и с улыбкой сказал:

— Ваш слуга слышал снаружи, что императорская гвардия Северного ведомства и Лагерь Сяоци подрались, и считает решение императрицы весьма уместным, но метод поединка, кажется, слегка неуместен.

Лицо императрицы У слегка потемнело, но она не проявила никаких признаков:

— Что в нем неуместного?

Хэлань Миньчжи посмотрел на Юйвэнь Ху, затем на Дань Чао, его взгляд скользнул мимо Се Юня, который, стоя рядом с императрицей, подпер лоб и даже не удосужился открыть глаза.

Он сказал:

— Хотя гвардеец Дань имеет преимущество в оружии, факт его победы над великим генералом Юйвэнем остается. Даже если он сейчас потерпит поражение от генерала в рукопашной, это ничего не докажет, поэтому повторный поединок не имеет большого смысла.

Не только Дань Чао и императрица У, но даже сам Юйвэнь Ху смотрел на Хэлань Миньчжи с некоторым недоумением — у этого человека внезапно мозги встали с ног на голову? Почему он заступается за императорскую гвардию Северного ведомства?

Императрица У спросила:

— Судя по твоим словам, разве стоит соревноваться в сочинении стихов и од?

— Нет, у вашего слуга есть другой метод.

<http://bllate.org/book/15578/1387271>